

Литературоведческий и герменевтический анализ художественного текста: диалектика взаимодействия*

О.Е. Ермилина

Рассматриваются некоторые особенности литературоведческого и герменевтического видов анализа текста, исследуется диалектика их взаимодействия. Особое внимание уделяется разнонаправленности данных подходов, а также феномену диалогичности. Своеобразие каждого подхода раскрывается на примере анализа рассказов А.П. Чехова «Счастье» и «Новая дача».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

литературоведческий анализ, герменевтический анализ, читатель, восприятие, диалог, микрореконтекст.

Литературоведение на протяжении многих веков изучало и интерпретировало художественный текст в единстве содержания и формы. Анализ идейно-тематического содержания, жанрового и композиционного своеобразия произведения являлся традиционным, приоритетным направлением в науке.

Попытки, предпринятые в XX в. с целью размежевать литературоведческий и лингвистический аспекты анализа текста, привели сначала к возникновению множества течений, а затем к идее интеграции смежных дисциплин. Возникла необходимость комплексного, синтетического подхода к изучению природы художественного текста.

Совокупность литературоведческих методов, объединённых принципом дополнительности, позволяет приблизиться к пониманию такого сложного явления, как художественный текст. Однако литература складывается не только из текстов, но и из взаимоотношений авторов и читателей. М.М. Бахтин, говоря о художественном событии, предполагал диалог двух участников: «Один пассивно-реален, другой активен (автор-созерцатель)» – выход одного из них уже «разрушает художественное событие» [1]. У читателей же нередко воз-

никает сопротивление чтению текста и особенно его пониманию.

Вследствие того что современный читатель находится под влиянием насыщенного информационного поля, процесс вдумчивого, медленного чтения практически исчезает. Художественный текст воспринимается в лучшем случае как последовательность событий, а любой аналитический подход к изучению поэтики вызывает резкое неприятие. Такое отношение к чтению побуждает применять иной подход к изучению художественного текста, который позволил бы понять произведение как эстетически неповторимое и целостное «другое».

В своих рассуждениях будем опираться на мысль М.М. Бахтина о том, что в литературоведении пока отсутствует какой-то один, «единоспасающий метод», и «совершенно необходимы *разные* (здесь и далее выделено автором. – О.Е.) подходы, лишь бы они... раскрывали что-то новое в изучаемом явлении литературы, помогали более глубокому его пониманию» [Там же]. Представим в качестве такого подхода **герменевтический анализ** художественного текста.

Подчеркнём, что герменевтический анализ как своеобразный способ постижения произведения не противопоставлен литературоведческому

* Тема диссертации «Герменевтический анализ текста как способ совершенствования читательской деятельности студентов-филологов». Научный руководитель – канд. пед. наук, профессор Л.С. Якушина.

анализу, но взаимодействует с ним. Герменевтический анализ позволяет комплексно рассматривать природу художественного текста, преодолевая практику поаспектного анализа (исследование тематики в отрыве от структуры и наоборот), открывает путь к пониманию своего восприятия в процессе движения к смыслу.

О сущности и своеобразии герменевтического анализа мы говорили в других статьях, опубликованных ранее [2; 3]. Остановимся подробнее на **взаимодействии разных подходов к анализу художественного текста.**

Не отвергая основных понятий литературоведения, а следуя им, герменевтический анализ способствует другому восприятию, созданному поэтикой произведения. Г.Г. Шпет, рассуждая о правде художественного произведения, писал, что «оно вызывает то впечатление, которое было в намерении художника, руководившем его фантазией <...> Кто же творит и формирует? Человек "делает", а формирует *само художественное произведение* в своей внутренней форме!..» [10].

Используя герменевтический подход, читатель открывает художественный текст **для себя**, так как в **диалоге** «читатель → художественный текст» происходит обогащение прежде всего адресанта как читателя, который создаёт свою интерпретацию на основе глубокого восприятия подтекста.

Литературоведческий анализ призван решать другие задачи, направлен другому адресату и зачастую не предусматривает понятие диалогичности (имеется в виду не только диалог между автором и читателем, но и, например, ситуация, когда автор вступает в общение с героями).

Проследим взаимодействие разных подходов, сопоставляя ряд теоретических понятий. Так, термин «ключевые слова» в литературоведении, «смысловые веши» (единицы внутренней речи, соотносимые со словами текста) можно сравнить с герменевтическим понятием **микроконтекста** [11] – значимой единицы художественного текста, ко-

торая определяется своеобразием самого текста (взаимодействием элементов поэтики текста) и исходит от читателя. Наличие разных терминов обусловлено, с одной стороны, своеобразием терминологии каждой науки, а с другой стороны, тем, что феномен текста предполагает многоаспектность его изучения. По замечанию Г.В. Колшанского, «необходимость комплексного изучения текста не есть методическое требование, оно есть выражение сущности самого объекта» [5].

Анализ взаимодействия микроконтекстов приводит к постижению смысла художественного текста. Понимание, проходящее по герменевтическому кругу, углубляется до восприятия диалога категорий «большого» и «малого» времени (современность, ближайшее прошлое и предвидимое будущее). По мысли М.М. Бахтина, эти категории связаны в литературе с феноменом «вечности», когда великие художественные произведения перешагивают границы своего времени, обретают новые значения и смыслы, живут «более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности». Проникнуть в смысловые глубины произведения можно, только выйдя за пределы объяснения условий времени, в котором оно было создано. Иными словами, мы можем говорить о «внеаходимости» (термин Бахтина) как о важнейшем инструменте понимания. «Чужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут ещё больше). Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы *диалог* <...> При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет своё единство и *открытую* целостность, но они взаимно обогащаются» [1].

Раскрывая мысль Бахтина, подчеркнём, что современная действительность позволяет по-иному прочесть художественные произведения.

Приблизиться к замыслу автора, соотносить временно-пространственные характеристики нескольких эпох с семантическими уровнями текста помогает читателю герменевтический анализ.

Рассмотрим, как происходит движение к смыслу в результате герменевтического анализа, на примере рассказов А.П. Чехова «Счастье» и «Новая дача». Эти рассказы можно вписать в ряд «деревенских» повестей («В овраге», «Мужики» и др.).

Литературоведческий анализ, приведённый в издании «А.П. Чехов. Энциклопедия», а также в работах по исследованию поэтики чеховских рассказов, приближает нас к идейно-тематическому смыслу, пониманию концепции «деревенской» темы в творчестве писателя. Так, в рассказе «Счастье» выделяется мысль о «тяге человека к счастью и обо всём, что противостоит, противодействует и самому этому счастью, и даже самым робким мечтам о нём <...> о подавляющей силе времени, о природной стихии, об инерции существования, привычного, устоявшегося быта...» [7]. Рассказ «Новая дача», по словам В.Б. Катаева, открывает «новое измерение в трактовке социальной темы <...> не копируя действительность, ведёт к глубоким обобщениям» [4]. Такая интерпретация (безусловно, значимая для специалистов) делает эти рассказы объектами историко-литературного изучения, которые едва ли могут заинтересовать современного читателя.

Когда рассказы вышли в свет, они были очень популярны, однако читатели, не переставая восхищаться ими, не находили темы в «Счастье», а «Новая дача» воспринималась как освобождение русской литературы от народнических иллюзий. Чехов, конечно, знал, что его произведения опередили своё время. Чтобы доказать это, проанализируем рассказы, используя герменевтический подход.

В рассказе «Счастье» писатель отобразил разговор в ночной степи: размышления пастухов и господского объездчика о «зарытом счастье» – кла-

дах. Характерна реакция публики. 14 июня 1887 г. Александр Чехов пишет брату: «Ну, друже, наделал ты шуму своим последним "степным" субботником. Вещица – прелесть. <...> *Хвалят тебя* за то, что *в рассказе нет темы*, а тем не менее он производит сильное впечатление. Солнечные лучи, которые у тебя скользят при восходе солнца по земле и по листьям травы, вызывают потоки восторгов, а спящие овцы нанесены на бумагу так чудодейственно-картинно и живо, что я уверен, что ты сам был бараном, когда испытывал и описывал все эти овечьи чувства» (здесь и далее письма и рассказы Чехова цитируются по изданию [9]).

Вскоре Чехов ответит, что «степной субботник *мне* самому *симпатичен именно своею темою*, которой вы, болваны, не находите. Продукт вдохновения. Quasi симфония».

Называя свой рассказ «Счастье», Чехов словно вручает читателю ключ к пониманию авторской концепции, к тому, ради чего и создаётся текст.

Взаимодействие микроконтекстов, раскрывающее образы мужиков, обнаруживает ироничное отношение автора к своим героям. Так, образы овец и собак представлены более подробно и психологизированно, чем мысли крестьян-пастухов: «... Они (овцы) стояли и, опустив головы, о чём-то думали. Их мысли, длительные, тягучие, <...> вероятно, **поражали и угнетали** их самих до бесчувствия <...>; старая овчарка <...> стараясь **казаться равнодушной** <...> с злобным, **старческим хрипением** бросилась сзади» (выделения в цитатах из рассказах Чехова наши. – О.Е.)

Напротив, пейзаж в рассказе отображён через восприятие автора, что открывает насыщенную и содержательную жизнь природы, противопоставленную скудной, убогой жизни мужиков: «...Тянулся Млечный Путь и **дремали звёзды** <...>. Широкие **полосы света**, ещё холодные, купаясь в росистой траве, **потягиваясь и с весёлым видом**, как будто стараясь показать, что **это не надоело им**, стали ложиться на земле; <...> на этом све-

те, кроме молчаливой степи и вековых курганов, есть **другая жизнь**, которой нет дела до зарытого счастья и овечьих мыслей». Данные микроконтексты выражают эмоциональную доминанту, заключённую в подтексте: ощущение счастья, лёгкую грусть, скрытую надежду на будущее.

Смысл рассказа лежит за границами текста; концепция рождается в результате осмысления структуры произведения. Проанализируем взаимодействие **микроконтекстов-эпизодов**, чётко разделённых в рассказе. Автор создал **два изолированных мира**: мир природы и мир персонажей (мужиков), противопоставленные друг другу. Чехов ведёт читателя к осознанию проблемы, что же есть счастье. Зарыто ли оно в землю или существует в гармонии окружающего мира с душой человеческой? **Пейзаж**, являющийся микроконтекстом, показан сквозь призму сознания автора, но, чтобы усилить контраст, Чехов вводит картину раннего утра в степи через восприятие объездчика: «...**Ни в ленивом полёте... птица, ни в утре**, которое повторяется аккуратно каждые сутки, **ни в безграничности степи – ни в чём не видно было смысла**». Данная антитеза создаёт интерпретацию, позволяющую читателю приблизиться к пониманию интенции автора. Героям рассказа никогда не будет доступно истинное счастье, которое им «не нужно и не понятно».

Феноменологичность мира природы свидетельствует о том, что есть и другая, счастливая жизнь. **Обнаружение «другой жизни»** – едва ли не самое главное в содержании многих рассказов зрелого чеховского творчества. Смысловой статус, придаваемый рассказу посредством **сопоставления микроконтекстов**, адресован автором не герою, а читателю.

В процессе герменевтического анализа художественного текста рождается понимание, **раскрывается истинный смысл произведения**, в котором «как будто» ничего и не заложено.

В рассказе «Новая дача» инженер Кучеров пытается наладить контакт

с жителями деревни, улучшить их жизнь, но встречает непреодолимое, почти иррациональное упорство. Анализ текста приводит читателя к выводу, что основная мысль рассказа заключается в стереотипной идее о классовой, социальной ненависти, очень распространённой ранее и существующей до сих пор.

Однако **название** рассказа «Новая дача» как микроконтекст имеет смысл обновления, нового начала, способного изменить жизнь. Взаимодействие названия с такими **микроконтекстами-символами**, как мост, железная дорога, описание сказочных праздников в усадьбе, рождает мотив движения, возможного изменения к лучшему.

Смыслообразующим микроконтекстом в рассказе является строительство моста, железной дороги, в реальном плане (как связь с цивилизацией) и символическом (как стремление наладить взаимоотношения крестьян и интеллигенции). Но ироничные интонации Чехова заставляют читателя усомниться в возможности такого общения (одной лишь фразы о кузнеце Родионе, «который понимал то, что ему говорили, **не так, как нужно, а всегда как-то по-своему**», достаточно, чтобы понять: навести мосты в общении не удастся. **Интонации иронии** выступают как микроконтексты, входя в мотив нелепости жизни и быта крестьян.

Сюжетообразующим микроконтекстом в рассказе становится **приём повтора эпизодов** встречи инженера с крестьянами. Первый раз он ещё надеется убедить крестьян относиться друг к другу по-человечески, призывая их: за добро «платите <...> тою же монетой», но Родион интерпретирует его просьбу буквально, доводя до абсурда ситуацию: «Платить, говорит, надо... <...> Монетой не монетой, а уж по гривеннику со двора надо бы». В эпизоде второй встречи инженер уже больше не доброжелателен, а раздражён и еле сдерживает гнев, видя, что все просьбы бесполезны: «...Кончится, вероятно, тем, что мы будем вас **прЕзирать**. Больше ничего

не остаётся!» А Родион даже не заметил сердитой интонации Кучерова и, придя домой, радуется: «Господа добрые, простоватые... <...> "Призирать будем..." – при всех обещал». Важная по своей сути информация остаётся не воспринятой из-за непрерывных поехов в канале связи, которые заключаются в косноязычии крестьян, их темноте, неграмотности, неспособности абстрактно мыслить. Вследствие этого коммуникация обречена на провал.

Последняя глава, как и первая, открывается описанием моста, к которому теперь уже все привыкли. «Новая дача давно продана; теперь она принадлежит какому-то чиновнику», который не отвечает на поклоны мужиков, и они с ним живут мирно. Совершая движение по герменевтическому кругу, читатель понимает иллюзорность мотива обновления, движения к лучшему, изменения жизни. Реальный железнодорожный мост построен, но он не становится коммуникативным, а, напротив, отдаляет героев друг от друга, окончательно разрывает все связи между ними. Туманный пейзаж в начале первой главы становится микроконтекстом, приобретающим символическое значение в пятой главе: «Что это был за туман, который застилал от глаз самое важное, и видны были только <...> все эти мелочи, которые теперь при воспоминании кажутся таким вздором?» Но сами мужики не могут ответить на этот вопрос. И ещё большей безнадежностью звучит в конце фраза: «Жили мы без моста и не пропали <...> и не надо нам».

Взаимодействие таких микроконтекстов, как название рассказа, символическое значение железнодорожного моста, интонации авторской иронии, нарушение значения слов, непреодолимые помехи в общении героев, открытый финал – проводят читателя по герменевтическому кругу. Осмысливается парадоксальная двуплановость смысла рассказа. В России конца XIX в. дачи – явление, пришедшее на смену разорённым дворянским усадьбам. «Новая дача» звучит как нечто временное, непосто-

янное, не способное стать родовым гнездом. И вопреки идеям реформации деревни и крестьянской общины на рубеже веков Чехов создаёт образы крестьян, которые становятся олицетворением «обесчеловеченного человека» [6], вызывающего не только жалость, но также страх и ужас.

Таким образом, жизнь произведения в другом времени и пространстве позволяет раскрыть те грани художественного текста, те микроконтексты, которые не были предметом рассмотрения, не прочитывались ранее. Благодаря современному контексту эти аспекты звучат по-иному, являются актуальными сейчас, приближают произведение к читателю. С помощью герменевтического подхода рождается другой текст, другое восприятие, образованное его поэтикой.

Литература

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров, примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. – М., 1979.
2. Ермилина, О.Е. Герменевтический анализ текста как способ совершенствования читательской деятельности / О.Е. Ермилина // Начальная школа Плюс До и После. – 2013. – № 4.
3. Ермилина, О.Е. Риторический аспект чтения как вида речевой деятельности / О.Е. Ермилина // Начальная школа Плюс До и После. – 2012. – № 2.
4. Катаев, В.Б. Новая дача / В.Б. Катаев // А.П. Чехов : Энциклопедия. – М., 2011.
5. Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В. Колшанский. – М., 1984.
6. Рейфилд, Д. «Bauernfeind» или «bauernfreund» : Чехов и крестьянство / Д. Рейфилд // Чеховиана : сб. ст. : Чехов : взгляд из XXI века. – М., 2011.
7. Турков, А.М. Счастье / А.М. Турков // А.П. Чехов : Энциклопедия. – М., 2011.
8. Тюпа, В.И. Проза Чехова и современная нарратология / В.И. Тюпа // Чеховиана : сб. ст. : Чехов : взгляд из XXI века. – М., 2011.
9. Чехов, А.П. Собр. соч.; в 12-ти т. / А.П. Чехов. – М., 1965. – Т. 8, 12.
10. Шпет, Г.Г. Искусство как вид знания (этюда) / Г.Г. Шпет // Культурно-историческая психология. – 2006. – № 4.
11. Якушина, Л.С. Своеобразие чтения художественного текста / Л.С. Якушина // Риторика. – Под ред. Н.А. Ипполитовой. – М., 2006.

Ольга Евгеньевна Ермилина – аспирант Московского педагогического государственного университета, г. Москва.